

Ян Цзя опешил от таких слов. На самом деле он был всего лишь мелким жуликом из обосновавшейся в этих краях крупной банды. Хитрый, изворотливый и в меру дерзкий, он частенько прикрывался именем своей группировки, чтобы вместе с подельниками обирать приезжих. Ян Цзя уже несколько раз наблюдал, как Е Цинжан выбирает и раскалывает камни, и смекнул, что у этого парня определенно есть чутье. Убедившись, что перед ним не какая-то важная птица, а обычный студент, он и решил поживиться за его счет.

— Да ты шутишь, приятель! — Ян Цзя попытался изобразить дружелюбную улыбку, хотя в глазах его мелькнула злоба. — Я просто разволновался и не так выразился. Я этот камень давно приметил, просто денег с собой тогда не хватило, вот и не выкупил сразу. Тут полно отличной породы, выбери себе другую глыбу, а? Сделай одолжение, уважь нас с братьями.

Е Цинжан заметил его нерешительность. Бандит явно не понимал, с кем имеет дело, и пока опасался пускать в ход кулаки.

«Связываться с этой безмозглой швалью сейчас себе дороже, — рассудил про себя Е Цинжан. — Но если я уступлю хоть раз, они уже не отвяжутся. Спокойной жизни мне тут не видать. Может, обкатать на этих придурках свои силы? Заодно проверю, чего стоят три месяца упорных тренировок».

Он медленно выпрямился, готовый к любому развитию событий.

— Откуда здесь эта вонючая крыса? С каких пор на территории «Хунъюнь» позволено устраивать балаган?

Пронизывающий до костей голос раздался откуда-то сверху. Е Цинжан вздрогнул. Сердце его пропустило удар, и он резко вскинул голову.

На втором этаже игорного дома нефрита «Хунъюнь» располагалась VIP-зона. В этот момент из дверей одной из лож вышло несколько человек. Впереди шел высокий, широкоплечий мужчина, одетый во все черное. Острый разлет бровей, хищный прищур темных глаз, жестко очерченные губы и резкая линия носа — его облик дышал первобытной силой. Меж бровей незнакомца пролегла глубокая складка, выдававшая бескомпромиссный нрав.

Е Цинжан оцепенел, не в силах отвести взгляд. Предчувствие не обмануло его.

Перед ним стоял Хэ Чэншуан.

Хэ Чэншуан приметил юношу еще раньше. Вообще-то он терпеть не мог, когда посторонние бесцеремонно его разглядывали, а уж такой прямой, ошеломленный взгляд обычно вызывал у него лишь глухое раздражение. Но сейчас, глядя на потрясенное лицо Е Цинжана, он ощутил странное шевеление в груди — непривычное, почти теплое чувство, в котором не было ни капли злости.

Заметив, что парень быстро взял себя в руки, Хэ Чэншуан принялся изучать его в ответ. По сравнению с его собственной резкой внешностью, черты лица Е Цинжана казались удивительно мягкими, а фигура — утонченной и хрупкой. Сказывалось прошлое: до катастрофы тот двадцать два года прилежно изучал литературу и медицину. Три месяца упорной работы с духовной энергией наложили свой отпечаток — в его жестах сквозило благородное изящество, движения были плавными и несуетливыми. И все же за этой мягкостью крылась сталь. Юноша прошел через ад первого года апокалипсиса, и в его спокойном взгляде светилась негибкая решимость.

Е Цинжан поспешно опустил голову, но его обострившиеся чувства уловили каждый нюанс происходящего. Он буквально кожей ощущал, как собственнический взгляд Хэ Чэншуана медленно сканирует его с головы до пят. Е Цинжана это укололо. Встреча после перерождения произошла настолько внезапно, что в душе поднялся целый вихрь противоречивых чувств. Накатила странная робость, смешанная с тоской по прошлому, — детская слабость, от которой хотелось просто развернуться и сбежать куда глаза глядят.

— У Босса Хэ дел по горло, а он тратит время на всякую ерунду, — с кривой ухмылкой подал голос Ян Цзя, пытаясь сохранить лицо перед друзьями. — Смотрите, как бы здоровье не подвело от таких забот!

Хэ Чэншуан презрительно усмехнулся:

— Когда грызутся собаки, мне плевать. Но когда помойные крысы начинают скалиться на людей, я просто обязан вмешаться.

После такого унижения Ян Цзя вспыхнул от ярости. Терпеть подобные оскорбления на глазах у толпы было выше его сил.

— Слышь, Хэ Чэншуан, ты зубы-то не скаль! — прошипел он, сжав кулаки. — Не думай, что в Тэнчуне ты один такой крутой. Здесь есть кому за нас впрячься!

Хэ Чэншуан даже бровью не повел, лишь едва заметно кивнул своему спутнику. Стоявший по правую руку от него коренастый мужчина с каменным выражением лица шагнул вперед и отрезал:

— Эти слова имел бы право сказать твой хозяин, Третий господин. А ты — рот закрой. Хочешь покупать камни — покупай. Пришел буянить — катись отсюда, пока цел.

Ян Цзя прекрасно понимал, что бодаться с Хэ Чэншуаном — чистое самоубийство. Он смерил Е Цинжана полным ненависти взглядом, сплюнул сквозь зубы и, сделав знак своим прихвостням, поспешно ретировался.

В голове у Е Цинжана царил сумбур. Он решительно не понимал, как себя вести с Хэ Чэншуаном здесь, в этой спокойной, еще не тронутой катастрофой реальности. Настроение

выбирать камни окончательно пропало. Аккуратно положив необработанный кусок породы на прилавок, он развернулся к выходу.

Вид уходящего юноши задел Хэ Чэншуана. Почувствовав укол необъяснимой досады, он торопливо сбежал по лестнице и окликнул Е Цинжана:

— И это все? Внизу ловить нечего, там один копеечный мусор. У меня наверху только что раскололи действительно стоящую вещь. Поднимайся, покажу.

Е Цинжан едва сдержал улыбку, смешанную с легким раздражением. Этот человек ни капли не изменился — все тот же бесцеремонный, привыкший продавливать свои решения таран. Если бы не их глубокая, выкованная в огне преисподней связь в прошлой жизни, Е Цинжан и на пушечный выстрел не подошел бы к подобному типу.

— Благодарю за предложение, господин Хэ, — спокойно ответил он, вежливо отступая на полшага. — Но у вас, кажется, дела с клиентами. Не смею мешать. К тому же, камень, который удостоился вашей похвалы, мне точно не по карману.

Хэ Чэншуан недовольно нахмурился. Одним широким шагом он сократил расстояние между ними и бесцеремонно перехватил запястье Е Цинжана.

— Какие еще гости, пустое место, — отмахнулся он. — Иди за мной и смотри. Кто сказал, что тебе придется за него платить?

По залу мгновенно покатился шепоток. Все вокруг с любопытством уставились на них, и этот нарастающий гул начал всерьез раздражать Е Цинжана. К тому же хватка Хэ Чэншуана была обжигающе горячей. Стоял душный июнь, на Е Цинжане была лишь легкая льняная рубашка, и сквозь тонкую ткань он отчетливо ощущал жар чужой ладони, проникающий под самую кожу.

Заметив смятение на лице юноши, Хэ Чэншуан окончательно наплевал на приличия. Проигнорировав все условности, он собственническим жестом приобнял Е Цинжана за плечи и увлек за собой вверх по лестнице. Наблюдал бы кто за этим со стороны, картина точь-в-точь походила бы на классическую сцену похищения невинной девицы наглым разбойником.

Е Цинжан, слишком хорошо знавший безумный и неукротимый нрав этого человека по прошлой жизни, решил не устраивать представление на потеху зевакам. Смирившись с неизбежным, он позволил увести себя в VIP-кабинет.

Они вошли в роскошно обставленную комнату. Хэ Чэншуан сразу усадил гостя на глубокий кожаный диван, перед которым стоял низкий столик из темного дерева. Набившийся следом народ послушно расселся на стульях напротив. Двое крепких парней из свиты Хэ Чэншуана застыли за его спиной, словно каменные изваяния.

На столе покоились два куска породы. Тот, что покрупнее, уже распилили вдоль прожилок. Внутри тусклой корки прятался бездефектный нефрит высшего сорта — «стеклянный», прозрачный, как чистейшая вода, и лишь у самого края виднелась едва заметная белесая дымка. Даже в необработанном виде этот самородок потянул бы на добрые десять миллионов.

Второй кусок, размером с кулак, изобиловал трещинами, сквозь которые проглядывал так называемый «ледяной» нефрит. Чистота и глубина цвета кристалла были отменными — настоящая драгоценность. Но скромные размеры позволяли вырезать из него от силы пару изящных подвесок. Впрочем, при хорошей огранке за них легко можно было выручить около миллиона.

Заметив неподдельный интерес в глазах Е Цинжана, Хэ Чэншуан небрежно указал на меньший камень:

— Тот, что побольше, уже забронирован. А этот, мелкий... Если нравится, забери себе, поиграться. Так, безделушка бесполезная.

Броско одетая девица, сидевшая напротив, обиженно надула губы. Она капризно дернула за рукав своего спутника — заплывшего жиром коммерсанта:

— Дорогой, ну мы же договаривались, что мелкий отдадут в подарок к крупному!

Купец злобно зыркнул на нее.

«Дура набитая! — мысленно выругался он. — Мозгов как у курицы, только о побрякушках и думает! Хэ Чэншуану плевать на этот булыжник, он его притащил просто ради повода, чтобы завлечь смазливого паренька. Если эта идиотка из-за копеечной выгоды разозлит этого сумасшедшего Хэ, вся моя сделка полетит к чертям!»

Он торопливо расплылся в подобострастной улыбке:

— Да если честно, господин Хэ, мне этот осколок тоже без надобности. Сделайте мне небольшую скидку на крупный камень, да и разойдемся миром!

Хэ Чэншуан снисливо усмехнулся, бросив взгляд на толстяка:

— Лао Цзян, проводи гостя. Пусть оформят сделку.

Цзян Жоюй подмигнул напарнику, поднялся и вежливо, но настойчиво выпроводил толстяка с его девицей наружу. Дверь захлопнулась.

В просторном кабинете повисла тяжелая тишина. Оставшись наедине с Хэ Чэншуаном, Е

Цинжан почувствовал, как напряжение сковывает его тело.

Хэ Чэншуан внимательно всматривался в его застывшее лицо. В глубине души он и сам поражался собственному поведению. С чего вдруг его так переклинило, что он схватил первого встречного и потащил к себе? Парень явно не имел представления, кто перед ним, и оставался здесь только из вежливости. Будь на его месте кто-то посмелее, уже давно устроил бы скандал и ушел.

Но Хэ Чэншуан никогда не отличался кротким нравом. Если ему что-то вбивалось в голову, он шел напролом. Он взял со стола ледяной нефрит и протянул его Е Цинжану:

— Ну так что? Нравится? Если не по вкусу, скажи — я отвезу тебя в другое место, выберешь сам.

— Вы излишне щедры, господин Хэ, — с легким раздражением в голосе парировал Е Цинжан.
— То, что для вас является дешевой игрушкой, для меня — непозволительная роскошь.

Хэ Чэншуан проигнорировал его колкость и тихо спросил:

— Как тебя зовут?

Е Цинжан на мгновение замер. В памяти яркой вспышкой воскрес день его гибели в прошлой жизни. Окровавленный, угасающий, он из последних сил спросил тогда склонившегося над ним мужчину:

«Ты знаешь, кто я?»

И тот ответил:

«Знаю. Тебя зовут Е Цинжан».

Этот человек никогда не слушал чужих доводов. Он жил и действовал исключительно по собственным законам. В прошлой жизни Е Цинжан списывал его дикую самоуверенность на безграничную мощь, которой тот обладал в эпоху апокалипсиса. Оказывается, Хэ Чэншуан был непредсказуемым безумцем задолго до того, как мир покатился в бездну.

Е Цинжан расправил плечи, поднял взгляд и, прямо посмотрев в темные глаза собеседника, серьезно произнес:

— Меня зовут Е Цинжан. Мне двадцать два года, я приехал сюда после окончания университета. Приятно познакомиться... Хэ Чэншуан.

Резкая перемена в поведении юноши застала Хэ Чэншуана врасплох. На его жестком лице отразилось искреннее удивление:

— Ты... знаешь, кто я?

Е Цинжан слегка опустил ресницы, пряча усмирившуюся грусть, и тихо обронил:

— Да. Я знаю тебя очень давно.

Глядя на его веером опустившиеся ресницы и задумчивую полуулыбку, Хэ Чэншуан почувствовал, как в горле пересохло. Юноша больше не выказывал ни страха, ни холодной отстраненности, ни того глухого беспокойства, что читалось в нем вначале. Однако следом в груди Хэ Чэншуана зашевелилась тревога: он вспомнил, какая слава ходит о нем в Тэнчуне.

— Послушай, — порывисто заговорил он, подаваясь вперед. — Местное отребье болтает обо мне всякое дерьмо. Не верь ни единому слову. Я не такой ублюдок, каким меня малюют. Цинжан, просто побудь со мной пару дней, и ты сам все поймешь.

Е Цинжан понял, что его слова истолковали неверно.

«С ходу заладил: "Цинжан, Цинжан"... Мы что, сто лет знакомы?» — мысленно хмыкнул он.

Но вслух произнес совсем другое:

— Мне нет дела до чужих сплетен. Но то, как вел себя господин Хэ минуту назад, говорит само за себя. Вы привыкли повелевать. Боюсь, простому студенту будет трудно ужиться с таким авторитетным человеком.

Хэ Чэншуан недовольно скривился, сообразив, что речь идет об истории с толстым коммерсантом:

— Меня тошнит от этих жирных свиней. Слизняки, которые пресмыкаются перед сильными и топчут слабых. Но ты... ты совсем другой.

— Мы знакомы всего несколько минут, — мягко рассмеялся Е Цинжан, прищурившись. — Откуда такая уверенность?

Юноша улыбался. Он тепло прищурился, и этот взгляд показался Хэ Чэншуану глубже и чище, чем любой, даже самый безупречный нефрит в мире. В груди снова несносно зазудело. Хэ Чэншуан раздраженно перекинул ногу на ногу, нахмурился и глухо произнес:

— Слышал поговорку? «Иные седеют бок о бок, оставаясь чужаками; другие же встречаются взглядом — и сходятся навек». Родство душ временем не измерить.

Е Цинжан оцепенел. Он никак не ожидал услышать от этого грозного воителя столь поэтичные слова.

«Иные седеют бок о бок, оставаясь чужаками; другие же встречаются взглядом — и сходятся навек...»

В душе поднялась теплая волна воспоминаний. Перед глазами закружились осколки прошлой жизни: их отчаянные схватки с монстрами, минуты короткого затишья у костра, тяжелое дыхание Хэ Чэншуана и его крепкие объятия, когда вокруг рушился мир.

После перерождения он засыпал и просыпался с мыслью отыскать Хэ Чэншуана, но у него не было ни единой зацепки. И вот судьба сама столкнула их нос к носу. Так к чему теперь эта глупая гордость и притворная холодность? Разве он не поклялся себе, что в этой новой жизни пройдет с ним рука об руку через весь грядущий кошмар?

На этот раз Е Цинжан улыбнулся по-настоящему — искренне и открыто. Его благородное лицо мгновенно преобразилось, словно ожившее полотно великого мастера. Хэ Чэншуан замер, замороженный этой сияющей красотой.

— А ты забавный, Хэ Чэншуан, — тихо проговорил Е Цинжан, глядя прямо на него.

<http://bllate.org/book/19006/1917593>